

СИНХРОНИЯ ВА ДИАХРОНИЯДА ТИЛ ТАДҚИҚОТИ

Игорь ДОБРОДОМОВ
доктор филологических наук
профессор
Московский государственный университет

О ТЮРКСКО-РУССКОМ ЖАРГОНЕ ПОВОЛЖЬЯ И СРЕДНЕЙ АЗИИ

Мақолада муаллиф рус ва туркий халқларнинг икки томонлама муносабати шароитида юзага келган ўзига хос жаргонни тавсифлайди. Ушбу жаргон хусусиятига XIX аср рус ёзувчилари эътибор қаратганлар. Фактнинг кизиқарли томони шундаки, ушбу жаргондан руслар билан мулоқотда нафақат Волга бўйи ва Ўрта Осиё туркий халқлари, балки, С.Т. Аксаковнинг ёзишича, русларнинг ўзлари ҳам татарлар ва бошқа халқлар бўлган мулоқот жараёнида фойдаланишган.

В статье автор описывает своеобразный жаргон, возникший между русским и тюркскими народами в условиях двустороннего контакта. На особенности этого жаргона обратили внимание некоторые русские писатели XIX века. Интересен тот факт, что этим жаргоном пользовались не только тюркские народы Поволжья и Средней Азии в общении с русскими, но и, по замечанию С.Т. Аксакова, сами русские в процессе общения с татарским и др. народами.

The article scrutinizes the peculiar jargon that derived between Russian and Turkic nations in the condition of bilateral relations. Some of the 19th century writers paid an attention to the features of this jargon. It is interesting that this jargon was utilized not only by Turkic peoples of Volga and Central Asia in the communication with Russians, but as well, according to S.T. Aksakov, by Russians in the communication with Tatars and other nations.

Калит сўзлар: тюркча-русча пиджин, тиллар алоқалари, татар уйғунлиги билан рус мақоллари, *баранчук*.

Ключевые слова: тюркско-русский пиджин, языковые контакты, русские пословицы с татарским колоритом, *баранчук*.

Key words: Turkic-Russian pidgin, language contacts, Russian proverbs with Tatar colorites, *baranchuk*.

В письме А.С.Пушкина жене из Болдина от 21 октября 1833 года содержится загадочная фраза: «Начал многое, но ни к чему нет охоты; бог <знает>, что со мною делается. *Старам стала, и умом плохам*» – ставшая камнем преткновения для составителей академического «Словаря языка Пушкина», которые затруднительное слово *старам* оставили совсем без объяснений, поместив его, однако, в указатель форм прилагательного – *старый*(13, IV, 370)¹, а еще более загадочное сочетание *умом плохам* снабдили толкованием (*умом плох*) с пояснением: «шутливое подражание ломаной русской речи в устах нерусского»(13, III, 391)².

Последнее не очень четкое пояснение сейчас может быть понятно как указание на то, что эта загадочная фраза явилась плодом творчества А.С. Пушкина, но такое ее понимание будет ошибочным.

На самом же деле предложение: «Старам стала, и умом плохам» – является видоизменением зафиксированных в «Пословицах русского народа» В.И. Даля русско-татарских пословиц:

«Стар стал – умом кончал» (*татарская*). «Шестьдесят лет прошел, ума назад пошел»³(*говорят татары*) (6, 354).

Эти же пословицы с указанием на их использование у авторов второй половины XIX века и на связь с русской речью татар приводит весьма внимательный к выразительной русской речи М.И. Михельсон: «Стара стала – плоха стала! («умъ кончалъ» прибавляют Казанскіе татары) – поговорка дряхлѣющихъ отъ старости.

Ср. «Стара стала – плоха стала...» Бисмаркова болѣзнь подкралась. Лѣтомъ еще могъ ходить, а теперь совсѣмъ инвалидъ (Боборыкинъ. Пререваль. 1, 11).

Ср. Шестой десятокъ, барышня, доживаю... А знаете, что татары говорятъ? ... *Шестьдесятъ лѣтъ прошесть, ума назадъ пошесть.*

Мельниковъ. На горахъ. 2, 22.

Слова эти прочель я въ концѣ многихъ собственноручныхъ писемъ Вел. Князя Константина Павловича – въ нѣсколько измененной игровой редакціи...»(10, 311).

Возникли эти русские пословицы с татарским колоритом в условиях контактов русских с тюркскими народами Поволжья и Средней Азии, породивших своеобразный жаргон, который лаконично описан В.И. Далем в одном из предисловий («О наречиях русского языка») к «Толковому словарю живого великорусского языка». «Сосѣдние съ башкирами и киргизами [старое название казахов – *И.Д.*] русаки бесѣдуютъ съ ними на какомъ-то условномъ

языкъ, гдѣ слышишь: *баранчукъ* (ребенокъ), *марушка*, *марджа* (марья, русская баба), *кургаишъ* и *курнячь* (ягня), *мазарки* (могила), *маханъ* (конина), *шарабара* (хламъ), *калта* (сума) и пр., хотя часть этихъ слов и не татарскія, а калмыцкія»(7, XLVII).

В сочинении С.Т. Аксакова (1791–1859) «Семейная хроника», где затрагивается языковая ситуация в Башкирии, говорится, что таким языком пользовались и русские: «Русские обитатели Оренбургской губернии до сих пор, говоря с башкирцами, стараются точно так же ломать русскую речь, как и сами башкирцы». Пример такой речи находим в его же повести «Детские годы Багрова-внука» (Дорога до Парашина): «Айда, знаком, гуляй на другой сторона. – Тут начал он [Евсейч – *И.Д.*] толковать с обоими перевозчиками, которые жили постоянно на берегу в плетенном шалаше, немилосердно коверкая русский язык, думая, что так будет понятнее, и, примешивая татарские слова, спрашивал...»(1, 74, 308).

На этом «условном языке» создавались фольклорные произведения вроде песенки шутливой содержания

Большой шапкам меховой

На бок надевался

И цепочкам золотой

По брюхам болтался

Если ты меня не любишь,

То мы бросимся вода...

Полицейская приходит

С кем-нибудь фельдшерой,

Кишки-мышки вынимают,

По кусочкам режет их... (8, 471 со ссылкой на рассказ «Свадьба Сафея»// Крашенников Н.П. Под солнцем Башкирии. – М., 1936. – С. 60).

Фрагмент такой же, но печальной песни о заготовке дров приведен в рассказе В.И. Даля «Обмиранье»:

«Смеркалось вовсе, и мы катились по дороге, что по полотну, молча. Наконец возница мой соскучился и, оглянувшись, спросил: «Юрлайме?» (Запеть, что ли?) – «Юрлай, отвечал я, будто проснувшись в раздумьи, – пой...» – Башкир, будто мехом потянул в себя дыханье, задержал его и залился плачевным, высоким голосом, словно издали по ветру донесся звучный стон, под конец замиравший; затем последовал однообразный напев, на слова местного народного сочинения: «Сакмар быстра, бреуна тулста, икмяк да йок, капрал да сок!» [Перевод: Сакмара быстрая (река), бревна

толстые, и хлеба нет и капрал (т.е. начальство) дерется. – И.Д.]. И наконец дело завершилось начальным протяжным воем. Не развеселила меня эта песня, сложенная, как все народные песни, никем, хотя и поется всеми»(4, 231; то же: 5, 285).

Проникая в русскую литературную речь, слова тюркско-русского жаргона создавали трудность для комментаторов, как это имело место с упомянутым у В.И. Даля словом *баранчук*, которое употребила в стихах А.А. Ахматова:

Я буду помнить звездный кров
В сиянье вечных слав
И маленьких баранчуков
У черноколых матерей
На молодых руках.

В.М. Жирмунский ошибочно объяснил как узбекское *баранчук* «малыш, ласкательное название ребенка»(2, 486), хотя такого слова в узбекском языке нет. Слово *баранчук* представляет собою поволжско-тюркскую обработку русского слова *парень* в духе, например, башкирского языка, где русскому начальному *n*- соответствует б-:

русс. *поднос* → башк. *батмус*,
русс. *перчатка* → башк. *бирсәткә*,
русс. *помело* → башк. *бумала*,
русс. *понятой* → башк. *бунәтәй*,
русс. *парень* башк. → **баран* с добавлением тюркского уменьшительного суффикса *-чык, -чук* *баранчук*. →

Выведение слова *баранчук* из башкиро-татарского *бәрәнә* – ягненок, барашек(3, 41) безосновательно.

К тюркско-русскому пиджину восходит и название девочки, дочки *кызымка*, производное с помощью русского суффикса *-ка* от притяжательной формы 1 лица единственного числа *кызым* моя дочка существительного *кыз* девочка, дочь; правда, иногда считается иногда русским диалектным словом(3, 83).

В некоторых случаях слова из пиджинов могут получать распространение в контактирующих языках, на основе которых возникает пиджин. Исследование таких слов, как показывает история изучения загадочного слова *ходя*, весьма трудоемко и неоднозначно(11, 183–191).

Некоторые слова из этого жаргона были разобраны мною в специальной статье(9, 118–128).

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Аксаков С.Т. Собрание сочинений. Т. I. – М., 1955. – 640 с.
2. Ахматова А.А. Стихотворения и поэмы / Сост., подготовка текста и примечания В.М. Жирмунского. – Л., 1977. – 616 с.
3. Аюпова Л.Л. Лексика народов Башкортостана в русской речи (глоссарий). – Уфа, 1994. – 146 с.
4. Даль В.И. Обмиранье// Башкирия в русской литературе. Т. I. – Уфа, 1961.
5. Даль В.И. Полное собрание сочинений. Т. VIII. – СПб. – М., 1898.
6. Даль В.И. Пословицы русского народа. – М., 1957
7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. – М., 1955
8. Дмитриев Н.К. Русско-башкирские языковые отношения// Дмитриев Н.К. Строй тюркских языков. – М., 1962.
9. Добродомов И.Г. Из лексики поволжско-среднеазиатского пиджина// Реквием филологический: Памятки Евгения Стапановича Отика. – Донецк, 2015. С. 118–128.
10. Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии.
11. Младенова О.М. Рус. *ходя*// Этимология 2006–2008. – М., 2010
12. Севортян Э.В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования. – М., 1966.
13. Словарь языка Пушкина. Тт. III, IV. – М., 2000.